

Дискуссионная трибуна

Ситуация вокруг Корейского полуострова: время трудных выборов

© 2017

К.В. Асмолов

Проведение очередного северокорейского ядерного испытания и запуск в КНДР межконтинентальных баллистических ракет подвели черту под периодом неопределенности, когда великие державы могли рассчитывать, что ядерная проблема Корейского полуострова разрешится сама собой. В сложившейся ситуации КНДР, США, КНР, РФ, Южная Корея и Япония оказываются перед неотвратимым и неприятным выбором. В статье анализируются причины и последствия подобного выбора и факторы, способные повлиять на него.

Ключевые слова: ядерное оружие, КНДР, геополитика, проблема безопасности, выбор большего или меньшего зла.

Суть принятой в США во времена Обамы политики «стратегического терпения» основывалась на трех тезисах: а) что ядерную программу Северная Корея сдаст только одновременно со сменой режима; б) что находящаяся в условиях экономического кризиса КНДР вряд ли обеспечит серьезный прогресс своей ядерной программы; в) что КНДР является «колоссом на глиняных ногах» и вполне может развалиться от внутренних потрясений.

«Стратегическое терпение» заключалось в том, чтобы не предпринимать каких-либо попыток серьезного урегулирования проблемы, одновременно усиливая санкционное давление в расчете на то, что режим развалится и вопрос будет снят сам собой.

Северная Корея, однако, вполне осознавала, что с ней собираются сделать, и удвоила усилия по строительству оборонного потенциала.

Выбор КНДР

Северная Корея видит себя «в кольце врагов» и имеет достаточно резонанс воспринимать ситуацию именно так. С точки зрения официальной позиции Республики Корея, закреплённой в конституции страны и в ряде актов наподобие Закона о национальной безопасности, Северной Кореи как государства попросту не существует. Территория РК состоит из Корейского полуострова и прилегающих островов (ст. 3 Конституции РК,

редакция 1987 г.¹), однако северные провинции страны контролирует «антигосударственная организация»². Тем не менее Республика Корея формально осуществляет управление на захваченных территориях через так называемое Управление пяти северных провинций³, чиновники которого займут свои места, как только «порядок будет восстановлен».

Официальной стратегией Юга в отношении Севера является «поглощение», и в течение последних 10 лет объединенная страна рассматривалась только как «еще большая Республика Корея». Даже проводимая Ким Дэ Чжуном и Но Му Хёном «политика солнечного тепла» предполагала достижение той же цели лишь несколькими иными средствами. При этом установка на ликвидацию КНДР находит отражение не только в заявлениях политиков, но в систематических крупномасштабных южнокорейских и южнокорейско-американских военных учениях, на которых отрабатываются не оборонительные, а наступательные действия.

Северокорейская концепция объединения также включает в себя весьма эфемерный вариант «Демократической Конфедеративной Республики Корё», но не предполагающий «коммунизацию Юга». Хотя государственная идеология КНДР в значительной мере замешана на национализме, в ней отсутствуют установки на «расширение жизненного пространства» или рассуждения «о нашей Маньчжурии»⁴, которые занимают существенное место в концепциях националистов РК.

В течение долгого времени Северная Корея была и остается объектом демонизации со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Любая, даже самая безумная информация о КНДР, опубликованная в западной печати, бывает воспринята некритически и находит свою аудиторию. С точки зрения значительной части американской аудитории атеистический коллективизм и культ вождей Северной Кореи безоговорочно воспринимается как империя Зла.

Добавим к этому достаточно искаженное представление о соотношении военных потенциалов Севера и Юга. То, что Северная Корея занимает 4-е место по численности армии, упоминают часто, забывая, что значительная часть Корейской народной армии (КНА) — это не столько боевые части, сколько универсальный мобилизационный резерв. В то же время армия Республики Корея занимает 6-е место по численности, а военный бюджет РК превосходит северокорейский в среднем в 25 раз, что отражает ее преимущество и делает изначально бесперспективными попытки Севера сравняться с Югом на этом поприще. Помимо этого, согласно Договору о взаимной обороне, подписанному между США и РК в 1953 г., в случае агрессии КНДР США не просто обязаны защищать Юг всеми возможными средствами, но южнокорейская армия подчиняется не президенту РК, а американскому командованию. Наконец, со времени, когда КНДР была записана в страны-изгои, она находится в списке целей американского стратегического ядерного оружия, несмотря на то, что изначально не была ядерным государством.

Аналогичных союзников у КНДР нет. Хотя формально у КНДР и КНР имеется договор, согласно которому Пекин может оказать Пхеньяну военную помощь, внутри Китая эта тема дискуссионная, и рассчитывать на его немедленную помощь без предварительных условий Северная Корея не может.

Примечательно, что «железный занавес» работает в обе стороны. Подобно тому, как закрытость страны порождает странные представления о том, как выглядит ее внутренняя жизнь, взгляды принимающих решения северокорейских лидеров имеют сходный уровень искажений относительно политики США и их союзников в корейском вопросе. Тем более что они получили ряд предметных уроков, увеличивающих их недоверие к мирным инициативам вероятного противника. Можно вспомнить судьбу Рамочного соглашения 1994 г., которое не было выполнено американской стороной (дипломатического признания не произошло, поставки мазута были прекращены по политическим соображениям, был построен только фундамент реакторов на легкой воде, исключаяющих их использование в военных целях)⁵; перечеркнутый комплекс итогов межкорейских самми-

тов 2000 и 2007 г. и судьбу договоренностей в рамках шестисторонних переговоров, принятых в 2007–2008 гг.

Другие предметные уроки северокойрейцы черпают из опыта стран, которым попытались «принести демократию на кончиках ракет». Урок Ирака состоял в том, что если «у мирового сообщества» возникли подозрения в тайной разработке оружия массового поражения, попытки убедить его в обратном будут безуспешны. Урок Сирии показывает, что, даже несмотря на наличие влиятельных и серьезных союзников, ситуация может закончиться долгой гражданской войной с неопределенными шансами на победу. В Ливии за сданную ядерную программу режим Каддафи получил существенно больше, чем в свое время предлагали Ким Чен Иру (включая полное забвение былых прегрешений). И вплоть до начала арабской весны ливийский сценарий постоянно муссировался как положительный пример того, как можно решить ядерную проблему КНДР, если бы Пхеньян был более сговорчивым. Свержение режима Каддафи и то, что происходит в современной Ливии, разом пресекло все подобные разговоры.

Есть сложности и с возможным «уроком Ирана». Да, там не ставился знак равенства между отказом от ЯО и ликвидацией режима, а Иран хотел поднять экспорт газа и нефти, повышая свое благосостояние. Но, во-первых, ядерная программа Тегерана была в самом начале, и он мог разменять ее на снятие санкций, ничего не теряя⁶. Во-вторых, КНДР не является страной, живущей за счет экспорта стратегического ресурса, структура ее экономических связей совсем иная. В-третьих, наблюдая за отношением к иранской сделке представителей нового руководства США, не исключен вариант, когда ее условия будут внезапно пересмотрены по аналогии с судьбой поставок мазута согласно Рамочному соглашению.

Таким образом, руководство КНДР имеет право предполагать, что не только режим, но и национальный суверенитет страны собираются уничтожить и сделают это при первой возможности. При этом Северная Корея не может апеллировать к институтам международного права, которые дискредитировали себя со времен вторжения в Югославию, или к союзникам, способным гарантировать ее защиту.

Такое положение не оставляет Северной Корее выбора. Ее стратегия заключается в том, чтобы, максимально вложившись в создание ракетно-ядерного потенциала, выйти на тот уровень «надежного сдерживания», при котором попытка решить северокойрейский вопрос силой оружия однозначно встретит ядерный ответ, способный обнулить любые успехи противника.

Считая себя ядерной державой⁷, Северная Корея рассчитывает, что когда она «проскочит» окно уязвимости, Соединенные Штаты будут вынуждены договариваться с ней хотя бы из-за невозможности силового ответа, и затем отношения двух стран будут развиваться по модели американо-советского или американо-китайского противостояния.

Однако подобная стратегия весьма рискованна. Во-первых, действия КНДР наносят серьезный удар по существующей архитектуре безопасности. В первую очередь, это демонстративное игнорирование резолюций СБ ООН, которые имеют юридическую силу и обязательны к исполнению. Во-вторых, желание Северной Кореи объявить себя ядерной державой подрывает модель миропорядка, при которой ядерное оружие разрешено только тем, «кому следует»⁸. К тому же Северная Корея успела побывать членом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). С формальной точки зрения это является неприятным прецедентом.

Если проблема Северной Кореи не будет решена, успех северокойрейской стратегии приведет к тому, что по пути создания ядерного оружия пойдут практически все видные региональные игроки, которые решат таким образом обеспечить свою безопасность. Применительно к Северо-Восточной Азии это могут оказаться Южная Корея⁹, Япония, а в перспективе — и Тайвань, что является страшным сном для Пекина и ставит крест на концепции «одного Тайваня». При этом, учитывая наличие мирного атома и общего

инженерно-технического состояния РК и Японии, после принятия соответствующего решения эти страны могут обзавестись первыми плодами своей ракетно-ядерной программы в течение полутора-двух лет.

Подобная угроза ставит Москву и Пекин в очень неприятное положение. С одной стороны, мотивы, вынуждающие Северную Корею двигаться в данном направлении, весьма понятны, как и то, что ЯО КНДР не направлено против России или Китая. С другой, как члены постоянного комитета Совбеза ООН, Россия и Китай не могут не осуждать северокорейские амбиции, категорически не признавая статус КНДР как ядерной державы. Именно поэтому санкционные резолюции Совбеза ООН всякий раз принимались единогласно.

Северокорейская активность создает региональную дилемму безопасности, усиливающую гонку вооружений в АТР. Отражением этого является и постепенная ремилитаризация Японии, и использование северокорейской угрозы для усиления американских стратегических позиций в регионе, которое направлено не только против КНДР. Наиболее яркий пример последнего времени — размещающаяся в РК система американского ПРО THAAD, что вызывает явное неудовольствие Китая.

Выбор США

Вопрос о том, какой должна быть американская стратегия по данному поводу, начал широко обсуждаться еще до Трампа, и эксперты, естественно, предлагают разные варианты¹⁰. Однако, несмотря на кажущийся широкий спектр «ответов на северокорейский вызов», выбор вариантов на деле сводится к двум. Либо признание ядерного статуса КНДР, либо тот или иной вариант смены режима, неизбежно ведущий к открытой конфронтации. Учитывая, что ядерный статус внесен в основной закон страны, денуклеаризация без ликвидации нынешнего политического строя Северной Кореи невозможна.

Оставить все как есть, усиливая санкции и рассчитывая, что рано или поздно режим развалится, — эта тактика уже не сработала и вряд ли будет работать. Ужесточение санкционной политики пока не дает ожидаемых результатов: Северная Корея научилась существовать в режиме санкций, частично обходя их, частично используя импортозамещение. Кроме того, далеко не все страны готовы соблюдать санкционный режим. Если же превратить санкции в полномасштабную финансовую торговую и транспортную блокаду, это будет фактически попыткой смены режима путем провоцирования внутренних беспорядков или внешней конфронтации.

Превентивный удар по ядерным объектам КНДР не останется безнаказанным. На «покушение» там не смогут не отреагировать. Если атаковать не только ядерные объекты, но и средства потенциального «ответного удара», речь пойдет о крупномасштабной военной операции.

То же касается попытки сбить северокорейскую МБР во время ее испытаний. Ответная реакция Пхеньяна на такую атаку может быть аналогична атаке на ядерные объекты.

Не получится и сменить режим малой кровью. Серьезная работа по дестабилизации режима и организации там «цветной революции» вряд ли будет успешна в КНДР: для гипотетического майдана не хватает предпосылок, не говоря о возможной инфраструктуре¹¹. Более того, оптимизация оборонных расходов в сочетании с комплексом иных внутривнутриполитических мер, начала повышать качество жизни северокорейского народа, что позволяет населению сравнить ситуацию с временами «трудного похода» и сохранять лояльность существующему строю.

Если ядерный статус КНДР будет признан, неприятные последствия этого решения можно суммировать следующим образом.

1. Это будет серьезный удар по режиму нераспространения ядерного оружия. Особенно с учетом того, что КНДР сначала вступила в ДНЯО, а потом вышла из него. Кроме того, признание ядерного статуса КНДР может привести как минимум к региональной ядерной гонке.

2. Падение режима НЯО наносит удар по возможностям Америки как мирового гегемона — существующий миропорядок во многом строится на американском доминировании, в том числе за счет ядерного потенциала. Даже если Америка и останется гегемоном, навязывать свою волю ядерному государству и исполнять роль мирового полицейского ей станет гораздо сложнее.

3. Нет никакой гарантии того, что после признания ядерного статуса КНДР «северокорейская угроза миру» не будет увеличиваться. В США многие уверены, что в этом случае КНДР будет и далее «шантажировать» мировое сообщество, начнет продажу ядерных технологий международному терроризму или решит атаковать Юг.

4. Кроме того, признание ядерного статуса означает и признание существования КНДР, с которой у Америки до сих пор нет дипломатических отношений. Между тем, наблюдая позицию Сеула в отношении попыток Японии установить диалог с КНДР, любой шаг вперед к установлению официальных экономических и политических связей Севера и Америки может привести к существенному ухудшению американо-южнокорейских отношений.

Если США всерьез переходят к **конфронтации с Севером**, то:

1. Слишком велик риск затяжной войны, которая повлечет ряд последствий, включая риск потерь, и высокую вероятность серьезного ущерба, который может быть нанесен Южной Корее. «Превентивный обезоруживающий удар» может не достичь цели. Не случайно значительная часть американских военных отмечает, что военная операция против КНДР не только не будет «легкой прогулкой», но может оказаться не менее тяжелым противостоянием, чем Корейская война 1950–1953 гг.

2. Существует риск того, что региональный конфликт перерастет в нечто большее. Как минимум, КНДР удастся нанести ответный (и потенциально ядерный) удар по континентальной территории США. Максимум сведется к вовлечению в конфликт КНР и РФ с перерастанием войны в третью мировую. Москва и Пекин вряд ли поддержат инициирование конфликта Севером, но что будет, если войну начнут США?

3. Даже победа США и их союзников в таком конфликте не принесет немедленного благолепия и демократии. Восстановление разрушенного войной, проблемы беженцев, еще большие проблемы с обеспечением лояльности населения Севера — все это сделает процесс послевоенной стабилизации ситуации долгим, трудным и дорогим.

4. Потенциальное восстановление Японии и РК после северокорейских ударов ставит вопрос: «Будет ли американское руководство готово к такому количеству ущерба у своих союзников?». Только атаки на атомные электростанции данных стран могут стать причиной экологической катастрофы, превосходящей Чернобыль или Фукусиму.

5. Наконец, если приготовления к конфликту будут очевидны и станет понятно, что он неизбежен, руководство КНДР может и действительно заняться ядерным распространением или ядерным терроризмом.

Куда в такой ситуации склонятся весы? Выбор сложен, но у воинственного подхода больше аргументов, чем у диалога, и причин тут несколько.

1. Личностный фактор, связанный с определенной зависимостью политиков от общественного мнения.

2. Последствия демонизированности режима: политик, побеждающий «патентованное зло», будет иметь более высокий рейтинг, чем тот, кто посмеет с этим «злом» договариваться.

3. Проблема дезинформированности. Возможности собирать реальные данные о положении дел в КНДР Америка не имеет. В лучшем случае, речь идет о данных технической разведки, но и они нуждаются в интерпретации¹².

4. Иллюзия защищенности, связанная с разработками ПРО. Не военные, но политики могут полагать, что население США будет наблюдать конфликт по телевизору.

Подобное потенциальное скатывание к силовому решению не связано напрямую со сменой власти в Белом доме и приходом Дональда Трампа в Овальный кабинет. Это лишь катализировало процесс, но не следует думать, что в сложившейся ситуации администрации Х. Клинтон вела бы себя иначе.

Как влияет на вероятность силового решения «фактор Трампа»? Во-первых, речь идет о недостаточном экспертном сопровождении принимаемых решений. Администрация президента еще не сформирована полностью, и это означает, что ее экспертно-аналитический аппарат не может работать с должной степенью эффективности. Вероятность волюнтаристских решений, принимаемых в подобной ситуации, повышается.

Внутриполитическая ситуация в США существенно сокращает Трампу пространство для маневра. Первичной для него является программа внутривнутриполитических реформ, но для того, чтобы ее осуществить, президент должен достичь минимального консенсуса с общественным мнением, СМИ и теми бюрократическими кругами, которые фактически саботируют его внутривнутриполитические решения. Таким образом, оптимальной для Трампа остается позиция «решительного президента», что повышает вероятность силового решения.

Понятно, что тяжелый выбор делать не хочется, и американская администрация пытается искать некий третий путь. Пока он сводится к тому, что, заявляя о крахе политики «стратегического терпения», американское руководство продолжает ее, лишь слегка видоизменив «обертку». Север по-прежнему пытаются придушить при помощи санкций, как международных, так и односторонних. Ставка во многом сделана на так называемый вторичный бойкот, когда любая страна или компания, которая пытается вести дела с КНДР, ставится перед жестким выбором: «ты кому друг, мне или ему?». В первую очередь, объектом подобного давления является Китай.

Выбор Китая

В Пекине понимают, что «хорошего» решения у проблемы нет. Призывать к ее решению политико-дипломатическим путем можно долго, но безрезультатно. Восстановление процесса шестисторонних переговоров связано с вопросом, что теперь на них обсуждать: в сложившейся ситуации денуклеаризация возможна только вместе со сменой режима, зафиксировавшего ядерный статус в своей конституции. Но действия северокорейского руководства диктуются не злой волей Ким Чен Ына, а геополитическим трендом, менять который не менее сложно, чем добиваться смены северокорейской позиции.

Северокорейская карта играет роль и во внутривнутриполитической ситуации в КНР. Осенью 2017 г. на XIX съезде КПК ожидается довольно жесткое обсуждение путей развития страны и борьба за власть между Си Цзиньпином и его противниками, и Китаю желательно определиться с выбором стратегии по северокорейскому вопросу до указанного срока.

Кроме того, на фоне становления Китая как ответственной глобальной державы его участие в войне 1950–1953 гг. приобретает важное пропагандистское значение. Во-первых, Корейская война позиционируется как одна из войн, в которой Китай спасал или пытался спасти корейскую государственность от внешнего вторжения и внутренней смуты. Во-вторых, войной 1950–1953 гг. закончился «век позора». Новый Китай не просто встал на ноги, но нанес поражение захватническим планам Запада — впервые со времени опиумных войн.

Как и США, КНР пытается определить ту «красную линию», за которой Китай будет вынужден любой ценой защищать безопасность и стабильность Северо-Востока. Судя по статье в «Хуанцю шибао» от 5 апреля 2017 г.¹³, таковой является ситуация когда:

а) северокорейская ядерная активность «загрязняет» китайский Северо-Восток, включая радиоактивные осадки после применения ЯО;

б) в результате гуманитарной катастрофы или внутренней нестабильности образуется большой поток беженцев из КНДР;

в) на границе с Китаем появляется враждебный КНР режим или американские войска выходят на реку Ялу/Амнокан.

Можно вспомнить и о том, что в 2006–2007 гг. в Китае разрабатывали планы вторжения в КНДР. Правда, введение войск рассматривалось только как ответ на уже случившийся коллапс режима для предотвращения потока беженцев или обеспечения безопасности оказавшихся бесконтрольными ядерных боезарядов и расщепляющихся материалов¹⁴.

В среднесрочной перспективе существует три варианта принятия решений.

1. Китай сохраняет Северную Корею, но меняет тамошний режим на прокитайский.

2. Китай признает ядерный статус КНДР и отказывается от мер, направленных на ее сдерживание, содействуя таким образом существенным изменениям миропорядка.

3. В союзе с Соединенными Штатами Китай ведет дело к смене режима, предполагающей неизбежное поглощение Севера Югом.

Более реально рассматривать второй и третий варианты, поскольку в первом встает вопрос о методах. Как показывает опыт, политические уговоры не действуют, потому что когда речь идет об обеспечении суверенитета страны, КНДР не слушает никого, а развитие ракетно-ядерной программы воспринимается Пхеньяном как единственный способ избежать силовых действий по смене режима.

Если Пекин будет поддерживать Север против США, неприятности могут заключаться в следующем.

1. Используя северокорейскую угрозу как повод, Соединенные Штаты будут усиливать свои позиции в регионе и наращивать там военную инфраструктуру, направленную не столько против КНДР, сколько против КНР. ТНААД в этом контексте воспринимается как «первая ласточка».

2. Упорствование в поддержке Севера «сжигает мосты» и окончательно переводит отношения двух стран в состояние конфликта. Существенно снижается возможность того, что в краткосрочной или среднесрочной перспективе во взаимоотношениях Пекина и Вашингтона сотрудничество возобладает над конфронтацией. Ведь сотрудничество означает относительное сохранение статус-кво, когда разногласия между двумя странами, если и существуют, то на допустимом уровне, а потенциал экономического взаимодействия нивелирует политические разногласия.

3. Активизация поддержки Северной Кореи может повлечь за собой распространение на Китай тех или иных санкционных мер.

4. По мнению ряда китайских экспертов, открыто бросать вызов Америке Китай пока не готов. Теоретически время работает на него, но чем раньше дело дойдет до военного столкновения, тем меньше Китай будет готов к нему. Существует опасение, что американцы уже используют северокорейский козырь, чтобы навязать Китаю противостояние на более выгодных условиях.

5. Кроме того, поддержка ядерных амбиций Севера размывает статус-кво, построенный на авторитете ООН и на концепции нераспространения ЯО, теоретически ограничивающей ядерный клуб большой пятеркой. При существующем порядке КНР занимает довольно весомое место, и вопрос в том, насколько в случае противостояния новый миропорядок будет для Пекина выгоднее прежнего.

Соответственно, главный риск для КНР в этом варианте — втянуться в конфликт в невыгодной для себя позиции либо разрушить тот миропорядок, который дает ему определенные бонусы.

Вроде бы, отказаться от поддержки Севера хватает весомых причин. Однако возникает вопрос: что если линию на противодействие Китаю Соединенные Штаты будут продвигать вне зависимости от того, какова будет китайская политика в северокорейском вопросе? Если уступки будут восприниматься как должное, а политика США по сдерживанию КНР останется неизменной? Совершенно не очевидно, что в ответ на новый раунд уступок или совместных действий против КНДР Вашингтон свернет критику Китая по другим направлениям.

Если Китай начинает сотрудничать с США против Севера, что может привести к смене режима, а точнее, к ликвидации КНДР, его ждут другие неприятности.

1. Для Пекина мало приемлем вариант, при котором в ходе военного конфликта на территории северной части полуострова или поглощения Севера Югом Китай становится объектом не только для потока беженцев, но и для организованной преступности или террористических организаций, которые будут пытаться «бороться с южнокорейскими оккупантами с его территории». Все это будет вынуждать Китай тратить на урегулирование проблем большой объем сил и ресурсов, которые гораздо нужнее дома.

2. В случае «расширения РК на Север» буферная территория в лице КНДР теряется, а Соединенные Штаты получают чрезвычайно удобный плацдарм, с которого можно эффективно угрожать китайским интересам в Северо-Восточном регионе. Вряд ли в случае объединения Кореи американские войска немедленно покинут ее. Скорее всего, они переберутся и на Север, например, «для борьбы с незаконными вооруженными формированиями прежнего режима», а американские военные базы могут оказаться на границах КНР. В случае конфликта это очень серьезное усиление американской позиции.

3. Объединенная Корея сама по себе не очень устраивает Китай как региональную державу. Во-первых, утрата условного вассала — большой удар по престижу, чем неспособность его полностью контролировать. Во-вторых, идеологией объединенной Кореи, скорее всего, будет агрессивный национализм, и это может означать интенсификацию попыток превращения корейской диаспоры КНР в пятую колонну. Можно ожидать и оживления территориальных споров вплоть до реанимации претензий на район Цзяньдао, или, как минимум, государственной поддержки исторических претензий, включающих представления о том, что древнекорейские государства занимали значительную часть современного Китая.

4. После исчезновения Северной Кореи следующей по «уровню нарушений прав человека» страной оказывается КНР, в отношении которой уже существует целый ряд расхожих мифов, начиная от поедания младенцев и заканчивая распиливанием на органы политических заключенных. Фалуньгун может оказаться куда более серьезным дестабилизирующим фактором, чем «христианское сопротивление» в КНДР, существование которого пытаются доказать борцы с Пхеньяном.

Теперь о факторах, которые могут склонить мнение китайского руководства в ту или иную сторону. В целом оно достаточно хорошо информировано о внутривнутриполитической ситуации в КНДР и принимает свои решения, не завися от популистской реакции общественного мнения.

Тактика Китая определяется соотношением и взаимозависимостью двух тенденций. Первая связана с противостоянием КНР и США, в рамках которого Северная Корея не столько союзник, сколько враг врага или некое буферное пространство между американскими войсками в Южной Корее и Северо-Востоком КНР. Вторая — усиливающиеся «державные настроения» и переход Китая к внешнеполитической модели, в рамках которой окружающие «малые страны» должны учитывать интересы Пекина и не противоречить им: с этой точки зрения можно говорить об уровне раздраженности Пекина дейст-

виями Пхеньяна, который, проводя самостоятельную политику, не желает учитывать китайские интересы.

Кроме того, внутри китайского руководства может сохраняться определенное противоборство между сторонниками идеологического и прагматического подходов, хотя прагматический подход доминирует. Несмотря на то, что Китай всегда старается действовать проактивно, в определенных ситуациях он вынужден «играть вторую скрипку», отвечая на шаги США по «решению корейского вопроса» так, как они считают нужным. Поэтому в случае, если Соединенные Штаты пойдут по пути эскалации, политика Пекина будет вынужденно сориентирована на принятие ответных мер.

Пока китайская позиция сводится к жестким заявлениям как в отношении КНДР, так и в отношении США. В каждом из случаев Пекин пытается использовать определенные рычаги давления.

В случае с КНДР это определенный набор угроз экономического характера¹⁵, хотя непонятно, насколько эти угрозы возымели действие.

Что касается США, то Китай старается, как минимум, довести до Вашингтона некую информацию, а также предлагает проект «двойной заморозки»¹⁶, который на определенном этапе был северокорейской инициативой. Однако реализация подобного плана находится под вопросом даже с поправкой на перемену власти в Сеуле. В результате Соединенные Штаты, похоже, недооценивают решимость Пекина, считая, что им удалось перетянуть китайское руководство на свою сторону.

Факторы иррациональности

К ситуации двойного трудного выбора, который стоит перед Вашингтоном и Пекином, добавляется формально незначительный, но важный компонент. Дилемма безопасности и увеличивающееся напряжение повышают вероятность конфликта на полуострове в результате не только рационального решения, принятого руководством страны, но и вследствие тех факторов, которые можно условно назвать «иррациональными»¹⁷.

Такой термин используется потому, что обычно, анализируя модель взаимодействия двух государств, предполагается, что:

а) каждая сторона внимательно изучает другую, стремится ее постичь, обрести максимально полный объем информации о ней, соответствующий объективной реальности;

в) политические деятели исходят из модели рациональных действий, и личные предпочтения, эмоции, идеологические шоры имеют дополнительное, но не определяющее значение;

с) центральная власть обладает достаточным уровнем контроля своих региональных подразделений, чтобы пресекать «дурацкие инициативы» и опасную самостоятельность, так что ключевые решения, особенно способные привести к обострению, принимаются после консультаций с Центром.

К сожалению, в отношениях Северной Кореи с окружающим миром это далеко не так. «Железный занавес» работает в обе стороны, порождая искаженное представление о том, что находится по другую его сторону.

На примере КНДР это виднее. Количество людей, допущенных к информации о внешнем мире, невелико, и она строго фильтруется. В такой ситуации уровень правильного понимания информации об окружающем мире и принципах его функционирования невысок. А это означает, что действия оппонентов могут трактоваться исходя из неверного целеполагания.

Но похожая проблема существует и для представителей Запада применительно к КНДР. Заключение экспертов основывается на данных, которых обычно бывает недостаточно для того, чтобы делать выводы, опираясь исключительно на них. Поэтому в определенной степени эксперты полагаются на свои представления о целях и мотивациях

северокорейского руководства, что напрямую зависит от того, какой образ Северной Кореи представляет себе данный эксперт. Показания перебежчиков надо перепроверять, а степень разрешения фотографий, сделанных со спутников, все-таки не всегда достаточна. Это значит, что информационные лакуны между фактами по-прежнему заполняются умолчаниями, а умолчания во многом строятся на образе страны в интерпретации экспертов — так формируется порочный круг.

В итоге каждая из сторон видит искаженный образ партнера и не пытается улучшить ситуацию. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации стороны не могут быть осведомлены должным образом о проблемах друг друга или будут неверно интерпретировать то или иное явление.

Обычно даже состояние обострения предполагает наличие между противоборствующими сторонами «горячей линии», но совокупными стараниями Севера и Юга все контакты между ними по военной линии практически оборваны, и в случае инцидента у сторон может не оказаться времени и возможности предупредить друг друга.

Пестование «образа врага» накладывается на определенные идеологические шаблоны, из-за чего стороны не могут и не хотят видеть реальность. Подобный подход приводит к «охоте на ведьм», когда страна, группа лиц или отдельная личность, на которую уже навешен определенный ярлык, неспособна избавиться от подозрений, поскольку любые варианты ее поведения интерпретируются соответствующим образом. На такого врага не распространяются нормальные правила взаимоотношений, с ним принципиально нельзя и не имеет смысла договариваться. Наоборот, можно нарушать правила и не выполнять обещания.

Так к недопониманию добавляется демонизация, имеющая несколько опасных следствий применительно к попыткам наладить диалог. Партнер на переговорах воспринимается, в первую очередь, как противник, и, значит, сам процесс рассматривается как силовое противоборство и игра с нулевой суммой, а не стремление к достижению консенсуса.

Демонизация ведет к взаимному накручиванию, которое имеет два следствия. Во-первых, стороны берут на вооружение концепцию диспропорционального ответа: на вражеские провокации он должен быть стократно мощнее. Во-вторых, накручивание создает обстановку стресса, который сильно давит на участников конфликта, повышает вероятность того, что реакция на какие-то непонятные или необычные события может оказаться заведомо неадекватной. В результате существенно повышается вероятность конфликта по несущественной или несуществующей причине.

Сегодня ни в КНДР, ни в США нет идеально работающей бюрократической системы. Поэтому следует помнить, что структуры, занимающиеся анализом и прогнозированием, далеко не всегда выполняют свою работу должным образом, разумные предупреждения могут быть проигнорированы, и в фаворе окажутся не те, кто пытается выявить реальное положение дел, а те, кто ублажает «приятными новостями».

Наконец, продолжительная ситуация взаимной напряженности повышает общий уровень стресса и напряжения, в результате чего опасные и важные решения могут быть приняты не на холодную голову, а под влиянием иррациональных факторов или эмоций. В такой обстановке, как отмечает китайский военный аналитик Цзя Сюйдун, «любой произвольный выстрел, недопонимание или неправильное решение могут стать причиной развития ситуации, которая станет необратимой»¹⁸.

Что думает Сеул?

9 мая 2017 г. к власти в Южной Корее пришел Мун Чжэ Ин — представитель тех сил, которые принято воспринимать как левые. Его программа включала неприятие проекта THAAD, необходимость улучшения межкорейских отношений и целый ряд иных

инициатив, которые стали поводом для определенных иллюзий, сходных с теми, которыми сопровождалось восхождение Трампа у ряда российских экспертов. Однако в южнокорейской ситуации речь идет не столько о выборе, сколько о попытке усидеть на двух стульях, стараясь не портить отношения ни с одним из влиятельных игроков.

Будучи представителем левого лагеря, Мун обязан, с одной стороны, отрабатывать его повестку с поправкой на сильные популистские тенденции, которые он демонстрирует, к примеру, в решении экономических задач.

С другой стороны, связи южнокорейского и американского истеблишментов гораздо крепче, чем кажутся. Хотя южнокорейский режим никогда не был марионеточным, внешнеполитический курс Сеула всегда зависел от Вашингтона¹⁹. Вся современная южнокорейская элита выросла из той прослойки либеральной интеллигенции, которая еще во времена колониализма находилась под крышей американских миссионерских организаций. В результате у нее нет альтернативной системы ценностей, в рамках которой они могли бы отказаться от ориентации на США²⁰.

Как следствие, политические и экономические связи между Сеулом и Вашингтоном куда значительнее, чем любые связи между Сеулом и Пекином. Вздумаю администрация Муна разорвать договоренности с Америкой, у Соединенных Штатов найдутся свои весомые аргументы.

Поэтому если, с одной стороны, 8 июня 2017 г. размещение ТНААД было, вроде, приостановлено до завершения полноценной экологической экспертизы земельного участка, передаваемого американским военным для развертывания комплексов²¹, то, с другой стороны, уже 9 июня в администрации Муна сообщили, что несмотря на смену политической власти в РК новое правительство сохраняет серьезное отношение к ТНААД и готово к продолжению тесного сотрудничества с США.

Похожая ситуация складывается и с вопросом межкорейских отношений. 16 июня 2017 г. специальный помощник президента по вопросам внешней политики и безопасности Мун Чжон Ин озвучил новую стратегию межкорейских отношений, которая фактически дублировала китайские предложения двойной заморозки²². СМИ РК немедленно представили это как «подтверждение предложения Мун Чжэ Ина возобновить межкорейский диалог без каких-либо условий в случае прекращения Севером ракетных и ядерных провокаций»²³. Но как только представитель госдепартамента США заявила, что позиция, озвученная Муном, может отражать его личное мнение, а не официальную политику властей, в администрации президента РК немедленно сообщили, что Мун не согласовывал содержание своего заявления с правительством²⁴.

В целом, тон выступлений Муна сильно зависит от обстановки и аудитории. Если, объявляя «берлинскую декларацию», он заявил, что выступает против объединения путем поглощения и готов встретиться с лидером КНДР, то во время визита в США глава РК заявил, что если Трампу удастся решить проблему Севера, то это будет огромным успехом, которого не удалось достичь ни одному из прежних американских президентов: все говорили о серьезности этой проблемы, не предпринимая реальных действий. «Великий союз РК и США может стать еще более великим в случае, если он не отступит перед ядерной угрозой Севера».

Громкие заявления в Южной Корее не тождественны их немедленному воплощению в жизнь еще и потому, что первый период своего правления новый президент тратит на то, чтобы провести радикальную кадровую чистку, расставив на ключевые места своих сторонников и обеспечив работающую вертикаль власти. На это уходит от года до полутора, и только после этого можно говорить о полномасштабном проведении в жизнь политического курса нового лидера. Судя по тому, с каким противодействием оппозиции Мун столкнулся при назначении нового премьер-министра и министра иностранных дел²⁵, можно ожидать, что период расстановки им своих людей на ключевые посты может занять довольно много времени.

Хорошей новостью, однако, является назначение нового руководителя Национальной службы разведки. Выдвинутый на этот пост Со Хун (проработавший в разведке 28 лет в качестве специалиста по Северу), похоже, собирается принять меры к тому, чтобы его подчиненные выдавали на гора не взятые с потолка или основанные на показаниях сомнительных лиц отчеты о скором крахе северокорейского режима, а более реалистичные материалы. Это может, во-первых, частично снизить уровень демонизации, а во-вторых, повлиять на курс США в сторону от стратегии, чреватой крупномасштабным региональным конфликтом.

Таким образом, даже если Мун проявит себя как последовательный левый, снизить межкорейскую напряженность смена власти в Сеуле сможет только в среднесрочной перспективе. В краткосрочной перспективе она остается, поскольку новому президенту может потребоваться довольно много времени, чтобы изменить политический курс с целью разработки комплекса мер укрепления доверия, снижения уровня демонизации Севера или обеспечения обмена информацией, снижающего вероятность стычки в результате недопонимания или недоразумения. Однако, учитывая потенциальную скорость развития регионального кризиса, вопрос состоит в том, успеет ли новая администрация РК начать проводить свой новый курс до того, как ситуация войдет в критическую фазу.

Выбор России

В сложившейся ситуации Российская Федерация не может оставаться в стороне. Любой серьезный конфликт на Корейском полуострове задевает нашу страну, даже если ни один из образцов американского высокоточного оружия не залетит на ее территорию. Речь о комплексе последствий, связанных с издержками войны: от потока беженцев до маловероятного, но существующего шанса загрязнения части российской территории в результате применения ядерного оружия либо атаки на ядерные объекты КНДР или те элементы ее промышленной структуры, которые способны стать причиной серьезной экологической катастрофы.

Безусловно, Россия не считает КНДР ядерной державой, осуждает ее амбиции и строго придерживается резолюций СБ ООН. Вместе с тем односторонние санкции или вторичный бойкот мы считаем неприемлемыми, как и попытки наносить экономические удары не по ракетно-ядерной программе, а по уровню жизни населения в надежде на «раскачивание лодки»²⁶. РФ, как и КНР, против военного присутствия внерегиональных сил в Северо-Восточной Азии и его наращивания под предлогом противодействия ракетно-ядерным программам КНДР, включая размещение комплексов ПРО THAAD.

Однако при всей насущности проблемы корейское урегулирование не является для Москвы вопросом главного приоритета. Основным стратегическим направлением нашей внешней политики остается пространство бывшего СССР, в первую очередь — Украина.

У нас не так много возможностей воздействовать на КНДР. Да, северокорейское руководство стремится поддерживать активные и добрососедские отношения с Россией (хотя бы из желания уравновесить Китай), а в российском посольстве в Пхеньяне работает, возможно, наиболее профессиональная команда специалистов за всю российскую историю. Однако и политическое, и экономическое вовлечение Москвы в северокорейские дела существенно ограничены, хотя нельзя сказать, что в этом вопросе Москва находится во втором ряду после Пекина. Наши интересы в целом совпадают, но определенный уровень расхождений тоже присутствует. Даже с точки зрения экономических интересов можно говорить об ограниченном соперничестве, в первую очередь, в свободной экономической зоне «Расон».

Контуры российского варианта урегулирования проблемы хорошо показывает разработанная нашими дипломатами «дорожная карта», которая предлагает «двигаться

без предварительных условий, поэтапно, начав с очевидных вещей — проявления взаимной сдержанности, непровоцирования друг друга, начала переговоров об общих принципах взаимоотношений, таких, как ненападение, отказ от применения и угрозы силой».

Эти предложения нашли отклик в Пекине, и на московском саммите 2017 г. В.В. Путин и Си Цзиньпин «договорились активно продвигать нашу общую инициативу, основанную на российском поэтапном плане корейского урегулирования и китайских идеях параллельного замораживания ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных военных учений США и Республики Корея», стремясь «и далее наращивать нашу внешнеполитическую координацию»²⁷.

Суть договоренности отражает совместное заявление МИД РФ и КНР²⁸, где помимо сочетания российских идей с китайской инициативой двойной заморозки стороны отметили, что «справедливые озабоченности КНДР следует уважать». Другие государства должны прилагать соответствующие усилия для возобновления переговоров, совместно создавать атмосферу миролюбия и взаимного доверия.

Таким образом, позиция Россия и ее активные действия могут склонить чашу весов в сторону максимально благоприятного для мировой безопасности развития событий.

1. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=35>
2. Определение дано Законом о национальной безопасности РК. См.: URL: http://antinsl.jinbo.net/nsi_full_text_en.html
3. См., в частности, официальный сайт управления: URL: <http://www.ibuk5do.go.kr/>
4. См.: URL: <http://old.russ.ru/politics/20020916-lan.html>
5. Желающие могут ознакомиться с текстом документа на: URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13508169390.pdf>; сравнить, что было сделано, и обратить внимание на то, что доказательства того, что в указанный период КНДР тайно разрабатывала ядерную программу, на данный момент так и не представлены.
6. Условно, иранский уровень можно уподобить развитию ядерной программы КНДР в 2005–2007 гг. — как раз, когда КНДР вела себя вполне конструктивно и могла, например, разрушить градиню в Енбене.
7. Данный момент даже был специально внесен в Конституцию страны.
8. С формальной точки зрения, ядерным оружием могут обладать только страны, которые получили его до 1968 г., и являющиеся, по понятному совпадению, членами постоянного комитета СБ ООН. С неформальной точки зрения, к ним добавляются Индия и Пакистан, которые в определенной мере считаются «клиентами» США и Китая, а также Израиль, обладающий «ядерным статусом Шредингера» и позицией «бомбы у нас нет, но если надо, мы ее применим». Таким образом, Северная Корея как ядерное государство оказывается абсолютно внесистемным игроком, что вызывает понятную реакцию.
9. РК разрабатывала ядерную программу в 1970-е годы, но была остановлена США; в настоящее время разговоры о необходимости обретения собственного ЯО для противостояния Северу уже активно ведутся в радикально-консервативных кругах.
10. Обзор основных концепций см.: *Асмолов К.* США—КНДР: американские эксперты предлагают стратегию // НВО. 12.11.2016. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/11/12/ssha-kndr-amerikanskie-eksperty-predlagayut-strategiyu/>
11. Более подробно о том, почему в КНДР маловероятна «арабская весна», см.: *Асмолов К.* Стоит ли ждать коллапса КНДР? // НВО, 16.10.2013. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/10/16/stoit-li-zhdai-kollapsa-kndr/>
12. Собственное подразделение, занимающееся агентурной разведкой, США создают только сейчас. См.: URL: <http://k-window.com/army/ssha-sozdatut-v-yuzhnoj-koree-podrazdelenie-agenturnoj-razvedki-humint/>
13. URL: <http://w.huanqiu.com/t/MV8wXzEwNDI0Nzc0XzI4Ml8xNDkxMzIzNDYw>; URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1040827.shtml> (англ.яз.)
14. URL: http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

15. Международное радио Кореи.
URL:http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=47948&id=In
16. Сообщение Российского информационного агентства.
URL:<https://ria.ru/world/20170408/1491814312.html>
17. Подробнее см.: *Асмолов К.В.* Иррациональный фактор и безопасность на Корейском полуострове // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М., 2014. С. 359–371.
18. Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html>
19. При Ли Мён Бак и в последние годы правления Пак Кын Хе консерваторы активно пытались подвести Вашингтон к необходимости силового варианта, желая ликвидировать КНДР американскими руками. Бывало и так, что Сеул играл в собственные игры, но подобное мог позволить себе только Пак Чжон Хи с его попыткой ядерной программы. Но даже тогда речь не шла о действиях, которые радикально расходились бы с точкой зрения Соединенных Штатов.
20. Что же до распространенного среди левых антиамериканизма, то на деле он во многом используется как средство выпуска пара. Вспомним демонстрации 2008 г. против американской говядины, которые с точки зрения достигнутого эффекта не закончились ничем. А бурные антиамериканские выходки, которыми сопровождалось восхождение Но Му Хена во власть, были «выключены» по первому окрику из Вашингтона.
21. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10071598
22. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?lang=r&id=Po&No=48723¤t_page=
23. На самом деле, нечто очень похожее выдвигали в начале своего правления и Ли Мён Бак, и Пак Кын Хе — «утром деньги, а вечером, возможно, стулья».
24. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=48728¤t_page=
25. По кандидатуре премьер-министра Муну удалось достичь определенного консенсуса с представителями ряда оппозиционных партий, рассматривавших его кандидатуру с не меньшей придиричивостью, с которой демократы, в бытность оппозиционерами, докапывались до кандидатур Пак Кын Хе. Однако с министром иностранных дел эта попытка не удалась, после чего она была назначена без парламентского обсуждения, благо в этом случае дискуссия в Национальном собрании желательна, но не обязательна.
26. URL: http://www.mid.ru/web/guest/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/2729503
27. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/595b9c369a7947abb1193197?from=newsfeed>
28. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662